

Власть и мораль

Блюхер Ф. Н.,

к. филос. н., в. н. с., Институт философии РАН,
руководитель сектора философских проблем социальных и гуманитарных наук,
г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1,
obluher@gmail.com

Аннотация: В статье ставится вопрос о генезисе морали и вводится понятие «естественной морали». Доказывается, что мораль как регулятор социального поведения возникает при переходе к производящему хозяйству. Показывается связь возникновения моральных проблем при противоречии двух общественных регуляторов: права и религии. Анализируется различие права и морали в истории Европы и России. Постулируется возникновение современной морали в СССР в 50–60-е годы XX века. Рассматривается симбиоз морали и устройства государственной власти в СССР и современной России. Показываются изменения определений морали в зависимости от изменений политики страны.

Ключевые слова: мораль, право, этика, государства, сообщества.

Мораль является одним из регуляторов общественных отношений. Другими регуляторами выступают право, традиция, религия, а иногда и просто силовое воздействие. Хорошо, когда требования различных регуляторов совпадают. Этот случай находит выражение в известной фразе «добро должно быть с кулаками». Однако долженствование, прописанное в этой фразе, скорее подчеркивает иллюзорность всего высказывания, потому что нам с детства хорошо известно, что такое кулаки школьных хулиганов. Именно знакомство с ними ставило нас перед первым нравственным выбором — становиться такими же гопниками или оставаться собой. Собственно говоря, мораль начинается вовсе не с текстов по Золотому правилу, а с добрых сказок и попыток защитить слабых и беззащитных. Мы даже можем назвать такое состояние нравственности «естественной моралью» по аналогии с «естественным правом». Мы называем его естественным, потому что оно появляется на основе возникших в семье естественных чувств ребенка: любви или добра, что в детском возрасте означает одно и то же, и страха или защиты от страха. Эти два чувства мы будем считать первичными, потому что они, скорее всего, фиксируются еще на уровне животных, где детеныши длительное время проводят с матерью, и ничего специфически социального в них нет.

Следующий шаг означает рождение чисто социальной проблемы, которая возникает, когда в семье встречаются близковозрастные детеныши, — это проблема справедливости.

И это вовсе не уходящая корнями в бесконечность человеческой эволюции задача. Потому что без молока, которое дают домашние животные, молочное вскармливание поголовья невозможно, поэтому у индейцев-собирателей Южной Америки, континента, где не было крупного рогатого скота, период разницы рождения детей составляет 4 года [Бродель Ф., 1986, с. 47]. Косвенным подтверждением отсутствия моральной регуляции среди дикарей нужно признать наличие каннибализма. К социальным сообществам, где люди могут рассматривать другого человека в качестве источника пищи, второй практический принцип нравственной философии Канта не применим. Это не означает, что к дикарям можно относиться не как к людям. 200 лет влияния западной цивилизации, раньше или позже, превращают бывших каннибалов в современных людей. К сожалению, мы вынуждены констатировать, что благодаря влиянию массовой культуры в современном обществе возможны противоположные процессы. Итак, основы морали могут возникнуть только при переходе общества к производящему способу жизни, условно не ранее 8 тыс. лет назад.

Конечно, еще в районе 50 тыс. лет назад мы можем найти факты заботы о слабых соплеменниках или альтруизме в рамках конкретной неолитической стоянки племени. Но можем ли мы утверждать, что племенной альтруизм является основой морали? Ведь если вдуматься, то и сюжет «Антигоны» можно интерпретировать как конфликт между царской властью и религиозной традицией. Возникает вполне законный вопрос. Нужна ли моральная регуляция в сообществах, где все друг друга лично знают или где большая группа людей спаяна исходом одного дела? Последнее мы относим к тексту «Анабасиса», в котором мы не находим рассуждений о проблемах этического характера, хотя ложь, предательство и смерть преследуют участников похода на протяжении всех семи книг. Нам представляется, что в таких сообществах, если речь идет о решении проблем непосредственного выживания сообщества «здесь и сейчас», моральные регулятивы могут быть излишними. Но если мы понимаем, что размерность «здесь и сейчас» включает в себя родителей и детей, общество не может обойтись без постановки моральных проблем. Собственно говоря, моральные проблемы начинают осмысливаться людьми, когда появляются «цивилизованные» общества и возникает проблема, как совместить мораль, возникшую для регуляции отношений между близкими родственниками в «большой семье», и традиции или законы, созданные для управления коллективами, превышающими своими размерами возможность получения информации о мотивах поступков конкретного индивида.

Мораль, возможно, возникает в разных цивилизациях. Конфуцианство в Китае, скорее всего, в европейском прочтении — попытка создать цивилизованные законы империи на основании моральных правил. И хотя реальная империя возникла под влиянием легизма, уже во время Западной Хань легизм был дополнен конфуцианством. Этот сплав стал основой всей дальнейшей культурной истории Китая, вне зависимости от этнической принадлежности представителей имперской власти. В Индии мораль неотделима от религии, то есть от всего комплекса религий древнего Индостана, возможно, именно поэтому, столкнувшись с религией, созданной на основании родового морального кодекса, — исламом, в Индии смогла возникнуть совершенно особая цивилизация Делийского султаната и империи Великих Моголов. В Европе создателем этики стал Аристотель. Безусловно, отдельные этические высказывания мы можем отыскать и у семи мудрецов, и у досократиков, а смерть Сократа часто рассматривается не как юридический казус, а как

первый этически мотивированный поступок. Тем не менее, это поступок во многом внутриплеменной, в «Апологии Сократа» речь идет исключительно об Афинах, и даже признание Сократа «умнейшим из эллинов» не поставило под сомнение решение афинского суда. Только появление эллинистических государств и многоэтничной городской культуры создает пространство, в котором возникает мораль как проблема, которая, тем не менее, еще не отделена от эстетической составляющей. Трактат «Характеры» Теофраста может рассматриваться как психологическая, как этическая, но одновременно и как искусствоведческая книга, описывающая характерные роли для театральной постановки.

Огромную роль в становлении европейской нравственности сыграла одна из самых безжалостных империй мира — Римская. Именно установление *Pax Romana* привело к возникновению новой моральной религии — христианства, последователи которой называли себя «братья и сестры» и распространяли отношения, которые могут возникнуть исключительно между близкими родственниками, не только на «эллинов и иудеев», но на всех, принявших новую веру, и даже на сам принцип Мироздания. А чем еще может быть «любовь к Богу», который хотя и наказывает, но любит своих чад.

Эти два принципа — «Правды», понимаемой как государственный закон — равный для всех, и «Милости», основанной на христианском понимании «милосердия» и «прощения чад своих», — были понятны и русскому боярину, и греческому ученику Савонаролы, Максиму Греку. «Милость без правды есть малодушество, а правда без милости есть мучительство, и обе они разрушают царство и всякое общежитие. Но милость, правдой поддерживаемая, а правда, милостью укрощаемая, сохраняют царю царство на многие дни», — пишет Федор Карпов опальному монаху [Карпов Ф., 2000]. При том, что оба института — церкви и, тем более, государства — не были построены в соответствии с моральными принципами, именно возможность их сосуществования порождала возникновение у цивилизованного европейского человека моральной проблемы — верховенства права либо морального закона. Однако уже Макиавелли объяснил, что если вы можете достичь такой власти, чтобы устанавливать законы, то непонятно, зачем вам мораль. В Европе после кровопролитной религиозной войны, в соответствии с формулой Вестфальского мира, в конечном счете победило государство и, следовательно, верховенство права. Образование в XVIII–XIX столетиях в Европе новых государств или преобразование старых в бесконечных войнах за испанское, австрийское, баварское, польское наследие происходили на основании присоединения одного правового субъекта (земли или города) к другому правовому субъекту. Что и находит выражение в знаменитой формуле Гегеля: «государство есть обладающая самосознанием нравственная субстанция» [Гегель Г. В. Ф., 1977, с. 350]. В России общество разбилось на большие группы — сословия, внутри которых были свои собственные моральные правила, государство же регулировало прежде всего отношения между этими сословиями. Достаточно сказать, что в некоторые моменты истории помещик имел право отправлять своего частного крепостного на государственную каторгу в Сибирь, т. е. становился по существу судебским служащим над людьми, которые находятся в его распоряжении.

Практически всю первую половину XX века российское государство и общество искали дорогу от сословно-правовой организации к общенародной. Были испробованы религиозные, национальные, партийные, наконец, откровенно репрессивные институты, чтобы установился принятый большинством населения баланс, основанный на двух

принципах справедливости: равенства закона для всех и неравенства распределения результата, возникшего из-за неравенства вложенных усилий. Возникновение этого баланса в 50–60-е годы XX века и ознаменовало появление общенародного государства, где основным в самоопределении человека стали не национальность, вероисповедание или идеология, а его профессиональная принадлежность к необходимой для функционирования государства и общества корпорации. В этом плане даже мелкие фарцовщики и «знакомые» мясники, при полном господстве социалистической собственности, могли рассматриваться обществом как «порядочные люди».

Из этого различия Европы и России, как следствие, вытекает разное отношение европейцев и россиян к правовой и этической регуляции в обществе, нашедшее выражение в знаменитой формуле: «строгость российских законов компенсируется необязательностью их исполнения». Одновременно с этим этические кодексы в тех или иных группах российского общества имеют гораздо более универсальный характер, т. е. их нарушение, по существу, изгоняет индивида из сообщества, будь то «воровской закон», «крестьянский мир» или «офицерское собрание». Именно в этом проявляется особая роль нравственной регуляции в российском обществе, которое, считая государство внешней по отношению к индивиду репрессивной силой, находит некоторое этически регулируемое сообщество, через которое и осуществляет свое взаимодействие с аппаратом насилия.

Россиянин не может сказать: «Государство — наше дело», для него более важным является сама мощь государственной машины, способной решать задачи, выходящие за рамки отдельной корпорации. Армия должна побеждать, полиция — ловить преступников, врачи — лечить, работяги — «пахать», а государство — управлять так, чтобы цель, которая стоит перед страной, была достигнута. Если эта цель «коммунизм», то будьте добры построить его к 1980 году, а не то в 1991-м мы создадим новое государство, которое обеспечит «каждому россиянину машину «Волга» или, на худой случай, «Рено Логан». Пока дела идут в нужном направлении, «государство — не наше дело», наше дело — хорошая работа корпорации, которая возможна только при справедливом распределении результата. Установление этого справедливого неравенства распределения — исключительно наше дело, потому что любой представитель государства заведомо хуже профессионала разбирается в той области, которой мы занимаемся. Задача государства — ставить перед нами те задачи, которые мы можем решить в рамках выделенного государством ресурса. Поэтому вполне допустимый на Западе судебный процесс «х против американского государства» в России звучит бессмысленно. Но сплошь и рядом законодательство регулирует отношения между «сотрудником х и госучреждением», причем довольно часто дело кончается заключением мирового соглашения с удовлетворением претензий сотрудника х, потому что директор госучреждения сам входит в некую корпорацию, которая учитывает при решении правовых проблем некий этический кодекс.

В результате мы имеем дело со своеобразным симбиозом государственной машины, работающей в формально правовом режиме, и профессиональными сообществами, где большинство вопросов решается с учетом этических правил. При этом принятие того или иного законодательного акта не гарантирует его повсеместное исполнение. Если он будет противоречить целесообразной практике функционирования сообщества, то вместе с формальным согласием сообществом будет найден способ его молчаливого игнорирования.

Самый характерный пример этого — приказ И. В. Сталина № 306 от 1942 года об отказе от эшелонированного порядка продвижения дивизии, который стал игнорироваться уже в декабре 1942 года и в дальнейшем почти всегда не учитывался всеми командирами. С другой стороны, профессиональное сообщество, руководимое исключительно этическими правилами, всегда предпочтет «не выносить сор из избы» и отгородить себя от других сообществ внутрикорпоративными интересами. Оба механизма, государство и сообщества, взаимодействуя друг с другом, «сохраняют царю царство», пока это царство идет от победы к победе. При всей силе и мощи государства оно остается «слабым», потому что это внешняя для сообществ сила. С ней считаются, ей подчиняются, но внутренняя регуляция происходит не по писаному закону, а по моральной правде, которая при этом всегда ограничена сообществом. В чужой монастырь со своим уставом ходить не принято. При этом сообщества, даже имея возможность инициировать изменение законов, уклоняются от законодательных инициатив, потому что понимают границы своей компетенции и руководствуются принципом «невмешательства» в общегосударственные дела. Ровно того же они ожидают от государства, которое не должно вмешиваться в саморегулирующие механизмы деятельности сообществ.

Такое морально-властное партнерство, сложившееся еще в брежневские времена, позволяло людям чувствовать себя свободными даже при идеологическом контроле, существовавшем в СССР. «Кухня» была пространством свободы, человек, донесший о политических анекдотах, становился изгоем, притом что раскрывали доносчиков сами сотрудники КГБ, которые сами, в известном смысле, были корпорацией. Понятно, что этика в этом симбиозе не могла не учитывать изменения власти в стране.

Первый период (1960–1985), именуемый застоём, соответствует описанию морали О. Г. Дробницким. Для него мораль — это нормы, при помощи которых осуществляется общественный контроль за массово-индивидуальным поведением. Мораль (наряду с правом, обычаем, административными установлениями) направлена на ограничение личного интереса, упорядочение его в соответствии с потребностями общества.

Эпохе «бури и натиска» (1985–1995), смены политических и идеологических устоев вполне соответствовала этика А. А. Гусейнова. Для него «мораль — это всегда действия, поступки, их индивидуально и социально упорядоченные ряды» [Гусейнов А. А., 2020, с. 63–64].

Третья «эпоха разочарований» (1995–2004) началась с первой Чеченской войны и закончилась Бесланом и отставками видных либералов при первом сроке президентства В. В. Путина. Этому периоду более всего соответствовали этика ненасилия и философия диалога. Однако реальность показала, что наше общество к диалогу не готово. Понимая слабость российского государства, одна часть общества требовала найти «русского Пиночета», а другая морально реабилитировала Сталина. То, что условный «Пиночет» может в российских реалиях вести диалог именно со «сталинистами», почему-то никому в голову не приходило.

Четвертая — «эпоха сосредоточения» (2004–2021), которую еще можно назвать «эпохой поиска». В ней открыты все варианты развития, кроме, пожалуй, одного. Высшая политическая власть в стране окончательно переходит к некой группе людей, которые осуществляют ее вне зависимости от правового статуса, обозначенного формальными рамками Конституции. Политика, которую они выбирают, зависит не от идей в их головах,

а от тех задач, которые им приходится решать, реагируя на изменения внешних условий. При этом открыто обсуждаются и сосуществуют все варианты развития. В стране — демократия (периодически проходят выборы, существуют партии всего политического спектра, осуществляется свобода слова, собрания, печати), но одна из демократических партий, сторонников так называемого европейского пути развития, начинает эти выборы периодически проигрывать. Именно для этих условий создавалась «этика ценностей» Р. Г. Апресяна [Апресян Р. Г., 2017, с. 38, 98]. Этика, в рамках которой возможен был диалог о ценностях, которые нас объединяют. Эти ценности касаются основных понятий жизни человека, но направлены не на благо этого конкретного человека, а на благо другого. «Направленность на благо другого человека, других людей, общества представляет собой основополагающее свойство морали. Эта направленность обеспечивается определенными ценностями и воплощается в действиях. Действия выстраиваются в линию поведения, а на социальном уровне — в политику» [Апресян Р. Г., 2017, с. 102]. Однако чтобы моральные ценности приобрели универсальный характер, Рубен Грантович вводит в этику по существу новый элемент — коммуникацию. «Ценности образуют ценностную структуру морали, отражающую ее основные функции — коммуникативную (обеспечивающую эффективное и благотворное взаимодействие между людьми) и перфекционистскую (обеспечивающую моральное возвышение человека)» [Апресян Р. Г., 2017, с. 103]. Причем именно коммуникация здесь является решающей. Апресян соглашается с Хабермасом, что «для сообщества значимо не то, что кто-то из его членов устанавливает какую-то максиму в качестве «всеобщего закона природы», а то, что эта максима признается значимой и действительной на основе согласия, достигаемого в результате совместного действия — обсуждения. Без реального процесса обсуждения не добиться взаимопонимания и согласия. Причем обсуждение важно не только для достижения согласия, но и для переживания и понимания опыта совместности в процессе достижения согласия» [Апресян Р. Г., 2017, с. 142].

Можно сказать, что эта по своему прекрасная идея начинает реализовываться во многих муниципальных проектах, например, «Активный гражданин», где людям дается возможность обсудить, какие из «нововведений» стоит вводить прежде всего. Все идет хорошо, пока на повестку дня не ставится вопрос о памятнике на «сакральном месте» — площади Лубянка. Общество взрывается, власти города отказываются от самой идеи памятника, и неожиданно выясняется, что под «коммуникацией» понимается согласие граждан с «лидерами мнения», а вовсе не подчинение «неправильному» освещению истории. Впоследствии и Хабермас будет вынужден подвергнуть сомнению свою коммуникативную теорию, потому что повсеместное распространение социальных сетей легко заменяет «мнение экспертов» мнением необразованной публики. Но это произошло уже в другую эпоху, которая началась в прошлом году.

Итак, мы в самом начале пятого периода (2022—...), который неизвестно чем и когда закончится, но то, что в декабре 2022 года Рубена Грантовича объявили «иностранным агентом», эту новую эпоху уже характеризует. К декабрю 2022-го мы должны констатировать, что то, что начиналось как специальная военная операция, с момента мобилизации в сентябре стало войной. Очевидно, что никакая коммуникация в момент войны невозможна. Стороны в терминах «естественной морали» создали

взаимоисключающие нарративы, объясняющие происходящее. С точки зрения Украины и части россиян, Россия — здоровый гопник, напавший на слабого ученика местной школы, которому помогают хорошие ребята из соседнего, «правильного» двора. С точки зрения подавляющей части населения России, мы и есть «правильные пацаны», которые ставят на место зарвавшуюся местную шпану, ошалевшую от того, что «крутые бандиты» из соседнего двора позвали их в свой бизнес. Пока все идет к тому, что только победа в бою может положить конец войне. Но история страны в XX веке показывает, что нарративы живут своей собственной жизнью; ни поражение в Гражданской войне, ни победа условных «белых» в 1991-м не повлияли на продолжение «белого» и «красного» дискурса. Можно быть уверенными, что спор «правильного» соседского двора с «правильными пацанами» останется с нами еще долгое время. Российскому обществу придется доказывать свою «правильность» не только на фоне украинского ресентимента (банальной зависти бедных родственников к богатым и успешным соседям), но и убеждать самих себя, что моральная правда за нами. А это возможно в единственном случае, если мы не будем копировать нашего «обезумевшего соседа», отменяющего Пушкина и Менделеева, потому что они «русские», а сможем сохранить и ценить таких либералов, как Рубен Грантович, понимая, что умные и честные люди важны для страны вне зависимости от их идеологических позиций.

Литература

1. Апресян Р. Г. Этика: учебник. — М.: КНОРУС, 2017. — 356 с.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. — М.: Прогресс, 1986. — 617 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. — М.: Мысль, 1977. — 471 с.
4. Гусейнов А. А. Этика и культура. Статьи, заметки, выступления, интервью. — СПб.: СПбГУП, 2020. — 784 с.
5. Карпов Ф. И. Послание митрополиту Даниилу // Библиотека литературы Древней Руси: в 15 т. Т. 9 / РАН ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. — СПб.: Наука, 2000. — С. 347–359.

References

1. Apressyan R. *Etika: uchebnik* [Ethics: textbook]. Moscow: KNORUS, 2017. 356 p. (In Russian.)
2. Braudel F. *Material'naya civilizaciya, ekonomika i kapitalizm. XV–XVIII vv. T. 1. Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe* [Civilization and Capitalism, 15th–18th Century, Vol. 1. The Structure of Everyday Life]. Moscow: Progress, 1986. 617 p. (In Russian.)
3. Hegel G. W. F. *Enciklopediya filosofskih nauk. T. 3. Filosofiya duha* [Encyclopedia of Philosophical Sciences. Vol. 3. Philosophy of spirit]. Moscow: Mysl', 1977. 471 p. (In Russian.)

4. Huseynov A. A. *Etika i kul'tura. Stat'i, zametki, vystupleniya, interv'yu* [Ethics and culture. Articles, notes, speeches, interviews]. St. Petersburg: SPbGUP, 2020. 784 p. (In Russian.)
5. Karpov F. I. "Poslanie mitropolitu Daniilu" [Message to Metropolitan Daniel], in: *Biblioteka literatury Drevnej Rusi: v 15 t.* [Library of Literature of Ancient Rus': in 15 volumes], Vol. 9, ed. by D. S. Likhachev, L. A. Dmitriev, A. A. Alekseev, N. V. Ponyrko. St. Petersburg: Nauka, 2000, pp. 347–359. (In Russian.)

Power and morality

Blucher F. N.,

PhD in Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Head of the Sector of Philosophical Problems of Social and Humanitarian Sciences,
Leading Researcher,
obluher@gmail.com

Abstract: The article raises the question of the genesis of morality and introduces the concept of "natural morality". It is proved that morality as a regulator of social behavior arises during the transition to a productive economy. It shows the relationship between the emergence of moral problems in the contradiction of two social regulators: law and religion. The difference between law and morality in the history of Europe and Russia is analyzed. The emergence of modern morality in the USSR in the 50–60s of the twentieth century is postulated. The symbiosis of morality and the structure of state power in the USSR and modern Russia is considered. Changes in the definitions of morality are shown depending on changes in the country's policy.

Keywords: morality, law, ethics, states, communities.